

/ По своей охоте и программе / Хаёт мой и наш Советский строй»».

«Смолоду эстет и артист, мастер интеллектуальных и художественных провокаций, К., как это и случается обыкновенно в русской литературе, ближе к склону лет становится моралистом, и – особенно когда дело касается былого – моралистом атакующим» (О Вениамине Каверине).

«Лучшее из написанного А. на граничной полосе между почти дозволенным и прямо запрещенным» (О Василии Аксёнове).

«Теперь в это трудно поверить, но в течение нескольких оттепельных лет все образцованное сословие, не меченное клеймом сталинизма, при всем уже и тогда явственным разномыслии держалось действительно вместе: И. Глазунов и Э. Неизвестный, В. Солоухин и А. Вознесенский, поэтому, – вспоминает Б., – “в те 60-е бывало так, что за одним столом исполняли свои песни Юз Алешковский <...> и Николай Рубцов”».

«И в его новых книгах все то же неприятие городской цивилизации, все та же боль за униженных и оскорбленных, к которым он – даже в пору своего максимального благополучия и максимальной славы – причисляет себя не колеблясь. <...> “Я очень люблю свою Родину, Россию, но не в нынешнем ее обличье – в гражданской глухоте и полураспаде, наверное, я уже и не люблю, больше жалею как старую, неизлечимо больную, немощную мать... <...> народа уже нет, а есть сообщество полудиких людей, щипачей, лжецов, богоотступников, предавших не только Господа, но и брата своего, родителей своих, детей предавших, землю и волю свою за дешевые посулы продавших. <...> А народ нам не спасти уже, хоть бы мы все вернулись, куда велено”». Это всё о Викторе Астафьеве, чья сила слова заставляет меня всё же повременить с верой в наступление светлых лучей.

Сергей Чупринин собрал в книге «Оттепель: действующие лица», кажется, всё узнанное, разведанное, осмысленное, чем щедро поделился с читателем, придав насыщенному тексту немалую занимательность.

Елена СОЛОВЬЁВА

«АНТРОПОЛОГИЯ ПРОТИВОСТОЯНИЯ КАТАСТРОФЕ»

Ольга Балла. Дикоросль-4: Две тысячи двадцать второй. – Ганновер: Семь искусств. 2023. – 355 с.

Пытаясь оговорить жанр этих заметок, уместно будет вспомнить, что их героиня, критик и эссеист Ольга Балла, не склонна называть «тексты про книжки» рецензиями, скорее уж – разновидностью «диалога с написанным». Она же, вычлняя разницу между племенами «аккуратных библиофилов» и «разнuzданных библиофагов», к которым причисляет и себя, пишет, что последние так и норовят превратить чужую книгу, читаемую в данный момент, в собственный дневник, хоть комментариями, сделанными на полях. То же случилось и со мной: последняя книга Балла «Дикоросль-4» стала очень личным чтением, сопровождающим неизбежные труды и дни, дающим ответы на самые насущные сиюминутные вопросы.

Не сказать, что я раньше не замечала томики «Дикоросли», которые, словно трава в щель крепкого забора, упорно лезли на свет между объёмистыми сборниками её статей о прозе и поэзии¹. «Годовые кольца структуры»² «Дикорослей» представляют собой дневнико-

¹ Автор книг «Примечания к ненаписанному» (Т. 1–3, New York: Franc-Tigrec, 2010), «Упражнения в бытии» (М.: Совпадение, 2016), «Время сновидений» (М.: Совпадение, 2018), «Дикоросль: Две тысячи девятнадцатый» (Ганновер: Семь искусств, 2020) «Сквозной июль» (2020), «Пойманный свет. Смысловые практики в книгах и текстах начала столетия» (2020), «Дикоросль-2: Две тысячи двадцатый» (2021), «Библионавтика: Выписки из бортового журнала библиофага» (2021), «Дышащий чертёж: сны о поэтах и поэзии» (т. 1-2, 2021), «Дикоросль-3: Две тысячи двадцать первый» (2022), «Дикоросль-4: Две тысячи двадцать второй» (2023).

² Дмитрий Бавильский. Мгновенные ментальные снимки. Предисловие // Балла О. Дикоросль-3: Две тысячи двадцать первый. – Ганновер: Семь искусств. 2022. С.10.

вые записи, компактные и афористичные, способные порадовать чисто поэтической звукописью любого ценителя русского языка. Даты и «порождающие поводы» из текстов изъять, автор представляет только рефлексии и эмоции по поводу того, что осталось за кадром. Внутреннюю феноменологию переживания момента «здесь-и-сейчас» в «его непосредственном соприкосновении если не с вечным, то уж точно с архетипическим».

И если в критической манере Балла меня подкупала прежде всего «способность к качественной эмпатии»¹, умение внимательно и деликатно всмотреться даже в онтологически не близкий текст, не насилуя его «собственными целевыми установками», то в вещах, условно обозначаемых как «эссенцистические»², самым важным оказалась бесстрашная любовь к жизни. Умение «испытывать острую («безадресную»?) благодарность за всё, (...) включая неудачи, может быть, за неудачи – особенно». «Дурацкое счастье от самого процесса, самого факта существования».

При этом Балла особенно внимательна к материям неинтересным и тяжёлым, но всматриваться вместе с ней в небытие, с которым у Ольги «слишком тесные отношения», – не страшно: она делает всё, чтобы удержаться на краю самой и помочь в этом читателю. В её системе координат даже экзистенциальное переживание бессмысленности бытия – дар, однако дальнейшие шаги после того, как человек смог «задумываться самым беспощадным образом», требуют ещё большего мужества.

Балла умеет вслушиваться в «тёмную подпочвенную воду» тоски, ценить рутину, грусть,

которая «есть форма благодарности миру», даже боль, ибо они как «богатый и красноречивый материал» «столь же разрушительны, сколь и строительно». «Их не надо глушить: надо слушать, что они говорят; у них очень точные голоса. В них надо отдавать себе отчёт – и принимать их. И уметь жить с ними». Балла способна оправдать хаос – «пустую, глупую соединительную ткань бытия», без которой, однако, формообразование невозможно. Способна сменить плюс на минус у «фоновой» тревоги, переведя её в терапевтический инструмент. «Тоска и тревога – свидетельства (по моему внутреннему предрасудку) подлинности жизни и честности отношения к ней».

У Балла я научилась считать «несбывшееся» – «топливом жизни». И тому, что ««прокрастинация» на самом деле – бытовая магия», а «фобии могут становиться источником свободы». Теперь же учусь бесстрашно говорить о старости, неудачничестве, которое хорошо хотя бы тем, что показывает «возможность жизни за пределами типовых сценариев». Она подтвердила мои смутные подозрения на тот счёт, что «счастье и смысл – это почти одно и то же», а за жизненный ориентир, среди прочего, можно взять и «чувство “уютно”: ближайшего, локального, телесного согласия с проживаемой ситуацией». «Если “уютно” – значит, я что-то угадала, ущупала какое-то соответствие, в чём-то, может быть, даже важном, оказалась точна».

Симптоматично, что «Дикоросли» пошли строем (2019, 2020, 2021, 2022), когда мир во круг – ковидная чума да война – начал стремительно переформатироваться, сменяя и сметая привычные формы существования. Среди всеобщей растерянности, когда «Большие Проекты на Все Времена», по поводу неспособности к которым Балла, кстати, время от времени с грустью рефлексировала, начали один за другим терпеть крушение, вдруг оказалось, что у «тихого кабинетника-интроверта» есть остро отточенный инструмент для препарирования времени катастроф и дальнейшего его «обживания». Четвёртая «Дикоросль», уродённая в 2022 году, доказала это, пожалуй, наглядней своих сестёр.

Казалось бы, кардинального изменения формат не претерпел: это по-прежнему триста

¹ Дмитрий Бавильский. Этическая ценность интеллекта // Новый мир. 2017. №7.

http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2017_7/Content/Publication6_6683/Default.aspx

² Александр Чанцев в рецензии «Метафизическая динамика», например, писал о Балла следующее: «Это действительно письмо – больше эссеистики (эссе же о чём-то конкретном, «случае» чаще, верно?), глубже прозы (в крайне редкой обрящешь столько же). Возможно, это вообще новое бытование текста, еще ждущее корректных филологических определений и новых дефиниций» // <https://www.peremeny.ru/blog/22442> // Перемены. Толстый веб-журнал.

с небольшим страниц; сначала традиционно идут мысли о новогодних ритуалах перехода, и общее построение книги подчинено годовой логике смены «сезонных смыслов». Те же «точки интенсивности» – работа, дом, города-пространства («геобиография»), «преодоление биографии (как совокупности ограничений)», «хрупкость и защиты», «жизнь-и-смерть, неразделимые, в их повседневном и ежедневном диалоге и споре». Но изменилась интонация: стала более страстной, более напористой, более чеканной. Потому что теперь, когда происходит «сдвигание пластов мироустройства», люди переживают «кризис оправданности» («не говоря уже о кризисе доверия, открытости, непосредственности»), и окружены страхами «разной степени апокалиптичности», политика до того пропитала собой этику, что даже ковид на контрасте воспринимается с облегчением как «слепая и внеэтичная смерть», приходится переутверждать то, что в прошлом мире «имело статус очевидного». Заново отстаивать свою «территорию нормальности»: например, право радоваться весне или пончикам, верить, что русская культура продолжает «наращивать свою историю» в противовес утверждениям, что её, русской культуры, больше нет; что любому смыслу свойственно проходить время от времени «испытания на свою невозможность».

Балла не претендует на «роль комментатора и со-думателя в Большом Разговоре культуры», считает, что «слишком она велика». Ей уютнее в самоопределении «со-бормотатель мира». И самое ценное в её позиции – противостояние довлеющей интонации соцсетей, где бал правит «страшный, чудовищный, убийственный соблазн чистоты и правоты». Не многие способны «пробормотать» сегодня «смирение и преодоление, преодоление и смирение», адресуясь причём не к оппоненту, а к себе самому. Сентенцию «“Культура” = совокупность форм и действий, которыми человек загораживается от небытия» Ольга легко может сопроводить ироничным заголовком «Ну и ещё из прибредившегося». Не отделяет себя от тех, о ком грустит: «Что за страсть у нас с вами, дорогие мои, отождествлять крах иллюзий отечественной интеллигенции со смертью

мира». Или «За кого тебе стыдно – тот тебе и свой». Она, «препираясь с внутренним собеседником», работает исключительно над собой, «чтобы ценой серьезных усилий найти в себе подобие многих»¹:

«Одно из важных, важнейших умений, которые (мне, кому же ещё) предстоит теперь освоить, – это умение не отворачиваться внутренне от тех, кто на основании позиций ли, чувств ли отвернулся от нас. Видеть их правду – даже не принимая её, и понимать – даже не принимая, особенно не принимая»².

Форма самовыражения, которую Балла оттачивала в первых трёх «Дикорослях», разломам и буеракам сегодняшнего времени подходит максимально. «Эссе мыслит разрывами, – писал в своё время Теодор Адорно, доказывая, что меняющееся и эфемерное достойно философии, – подобно тому, как разорвана реальность, и находит в них свое единство, никак не сглаживая их. Согласованность логического порядка вводит в заблуждение относительно противоречивой сущности того, на что он был натянут. Непоследовательность существенна для эссе, его предметом всегда является остановленный конфликт. С одной стороны, в эссе понятия согласуются друг с другом благодаря функциям в параллелограмме, образуемом силой вещей (Kräfteparallelogramm der Sachen), с другой – эссе уклоняется от захвата сверху, который мог бы подчинить их всех. Используемый в эссе метод показывает всю его иллюзорность, но, несмотря на неразрешимость задачи, пытается ее решить»³.

В предисловии к третьей «Дикоросли» Балла указывает своих наставников по части «эссеистической практики»: Марк Аврелий, Мишель Монтень, Василий Розанов, Лидия Гинзбург, Филипп Жакоте, Фернандо Пессоа, Ив Бонфуа, Михаил Бараш, из ближайших современников и собеседников – писатель и

¹ Дмитрий Бавильский. Мгновенные ментальные снимки. С. 12.

² Ольга Балла. Дикоросль-4: Две тысячи двадцать второй. – Ганновер: Семь искусств. 2023. С. 81.

³ Теодор Адорно. Эссе как форма. Своеволие философии: собрание философских эссе / Сост. и отв. ред. О.П. Зубец. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. С. 68.

критик Дмитрий Бавильский. Но её работа по «увеличению количества жизни» во многом происходит благодаря свежему взгляду, когда «звуки начинают блестеть», «ветки лепятся из весеннего света», когда «всё-таки невозможно видеть такое небо – и не быть счастливой».

Есть и ещё один источник: Балла край-не редко говорит о религиозном опыте, беря утверждение его переживания в скобки – «(если это он – а это с некоторой вероятностью он)». Для неё религиозный опыт «начинается там, где происходит (и становится фактом нашего восприятия)» то, что: «...Очевидно превосходит человеческую меру и человеческие возможности. Да и человеческое разумение, на самом деле. – Нечто такое, кажется мне далее, происходит сейчас, хотя оно и устроено человеческими руками. Сдвигание пластов миро-

устройства»¹. Но её опыт укрощения собственного Я, бережное внимание к сирому и малому, практики оправдания, превратившиеся внутри «Дикорослей» в мини-жанр («Оправдание эгоцентричности речи», антропоморфизма, книжного обозреательства, перепроизводства сделанного и т.д.), обнаруживают родство с христианской традицией, не случайно прозаик и критик Александр Чанцев писал, что «в своем добровольном аскетическом служении Балла доходит до этических высот Симоны Вейль и Натальи Трауберг». Сегодня такие практики «противостояния энтропии на отдельно взятом участке» встречаются не так уж часто, а потому особенно ценны.

¹ Ольга Балла. Дикоросль-4: Две тысячи двадцать второй.– Ганновер: Семь искусств. 2023. С.126.